

ЭРИХТОНИЙ: МИФ В СТРУКТУРЕ ПАНАФИНЕЙ

Учреждение Великих Панафиней – одно из центральных событий религиозной жизни Афин VI в. до н.э. Этот главный афинский полисный праздник имел обширную ритуальную программу, а между тем его культовый миф, αἴτιον, едва намечен в фигуре Эрихтония – мифического основателя Панафиней. Мифологическая биография Эрихтония состоит из следующих элементов: чудесное рождение; воспитание Афиной, при роковом участии дочерей Кекропа; изобретение колесницы и учреждение Панафиней; превращение в “змея Афины”; могила на священном участке Афины (источники: Apollod. III. 14. 6–7; Eratosth. Catast. 13; Eur. Ion 266–275, 1427–1430; Hyg. Fab. 166; Paus. I. 24. 7 etc.). Анализ этих элементов позволяет, на наш взгляд, судить о том, как возникает, развивается и функционирует миф – и, тем самым, о том, что вообще он собою представляет.

Согласно упомянутым источникам, Эрихтоний был «автохтоном», т.е. был рожден самой Землей, но при следующих обстоятельствах: Гефест, воспылав страстью к Афине, попытался овладеть ею, но богиня оттолкнула его, и семя Гефеста пролилось на землю. Из этого семени и родился Эрихтоний. Аполлодор добавляет к этому рассказу примечательную подробность: семя Гефеста попало на ногу Афины, богиня вытерла его шерстью, бросила на землю шерсть – и родился Эрихтоний. Отвергнув Гефеста, Афина, тем не менее, приняла новорожденного Эрихтония под свое покровительство и передала его на воспитание дочерям первого царя Аттики, Кекропа – также автохтона. Эрихтоний находился в закрытом дарце (или корзине), и Афина строго запретила Кекропидам открывать его. Девушки нарушили запрет и их поразил священный ужас: то ли младенец был змееногим, то ли его охраняла змея, и в смятении Кекропиды бросились со скалы Акрополя и разбились насмерть. Эрихтония же Афина воспитала в своем храме. Выросши, он посвятил Афине первую деревянную статую, изобрел колесницу и учредил Панафиней. Он женился на Праксигее и имел от нее сына Пандиона. После смерти Эрихтоний был погребен на священном участке храма Афины.

Миф об Эрихтонии разделяется, как мы видим, на две неравные по объему информации части: подробную, развернутую историю его рождения и воспитания и чрезвычайно лаконичные сообщения о его деяниях и смерти. Обстоятельства рождения Эрихтония расцвечиваются самыми невероятными подробностями, в которых ясно просматривается стремление объяснить необыкновенное зачатие героя этимологией (верно или неверно понятой) его имени. Так, у Псевдо-Эратосфена (Catast. 13) со ссылкой на Еврипида [fr. 925 N] рассказывается о нападении вожделеющего Гефеста на Афины, о том, как богиня, защищаясь, ранила его копьем, после чего Гефест «...унял вожделение, пустив семя в Землю. От Земли произошло дитя, по сему поводу получившее имя Эрихтоний» (пер. А.А. Россиуса). Заодно этимологизируется и Парфенон – как место, где укрылась богиня, желавшая сохранить девственность. Аполлодор сообщает упомянутую выше версию с шерстью, которой Афина вытерла семя Гефеста, – имя

Эрихтония, таким образом, этимологизируется от слов *erion* («шерсть») и *chthon* («земля»). Вторую часть имени, указывающую на связь с землей, «слышали» все поздние мифографы, – а вот первую, усилительную частицу *eri-* (т.е. «поистине-земной»), толковали не только через «шерсть», но и через напрашивающуюся (хотя и ложную) аналогию с *eris* – «раздор»: такую версию находим у Гигина (Fab.166), у которого история Эрихтония соединена (довольно механически) с историей пленения Юноны (Геры) «узами Вулкана», т.е. Гефеста. Согласившись освободить мать, Гефест получает право просить у богов любого дара. Он просит в жены Минерву, и далее разыгрывается сцена, подобная описанной Псевдо-Эратосфеном, – только не на просторах Аттики, а в «спальне Минервы». Ту же версию повторяет (опуская пленение Геры) Первый Ватиканский мифограф (II. 26. 2–3). Все эти этиологические мифы достаточно поздние, как замечает, к примеру, авторитетнейший знаток ранней афинской религии Роберт Паркер, произведение имени Эрихтония от «шерсти» и «земли» не засвидетельствовано ранее III в. до н.э.¹ Отчего же понадобились эти этиологии и этимологии? Ведь автохтоны, рожденные Землей предки, издавна почитались афинянами (гордившимися, что они в своей земле – тоже «автохтоны», исконные жители, а не переселенцы): автохтоном был древний Кекроп, первый царь Аттики (Apollod. III. 14. 1), автохтоном был и наследовавший ему Кранай (Apollod. III. 14. 5) и даже, как сообщает Аполлодор, о следующем правителе Аттики, Амфикионе, говорили не только то, что он был сыном Девкалиона, но то, что он был автохтоном (Apollod. III. 14. 6). При этом ни о Кекропе, ни о Кранае не потребовалось сочинять мифы, обосновывающие их рождение от Земли. Почему же это оказалось необходимо в случае Эрихтония? Вероятно потому, что фигура Эрихтония – инновация в аттической мифологии. Это особенно наглядно показывают генеалогии афинских царей: у того же Аполлодора имена Кекропа, Эрихтония, Пандиона, царицы Пракситеи и Эрехтея настойчиво повторяются и комбинируются (Эрихтоний и Пракситея породили Пандиона, сыном которого был Эрехтей, женившийся на Праксителие, сыном их был Кекроп, породивший Пандиона, будущего отца Эгея, – Apollod. III. 14. 15. 1–5). Пара Эрихтоний–Пракситея, родители Пандиона, дублирует пару Эрехтей–Пракситея, предки Пандиона, от которого идет уже «без сбоев» генеалогическая линия афинских царей вплоть до Тесея и его потомков. Это дублирование указывает на способ, каким история Эрихтония «монтировалась» в аттическую мифологию². Ибо древнейшая мифология знает не Эрихтония, но только Эрехтея, древнейшего царя и родоначальника афинян («Эрехтиды» или «чада Эрехтея» – традиционное описательное именование афинян).

Вопрос об отношении Эрихтония и Эрехтея как мифологических и культовых фигур не раз привлекал внимание исследователей. Довольно радикальную точку зрения высказывает Н. Робертсон, утверждая, что представление о тождественности этих персонажей свойственно не античности, но создано ис-

¹ Parker R. Myths of Early Athens. Interpretations of Greek Mythology / Ed. Jan Bremmer. L., 1987. P. 209. № 31.

² О том, что это именно дублирование, а не просто «передача по наследству» имени предка потомку, говорит, во-первых, повторение имени Пракситеи – жена Эрихтония и жена Эрехтея не состоят в кровном родстве и младшая – не внучка старшей, а во-вторых, то, что Пандион, сын Эрихтония, называет сына не Эрихтонием, а *Эрехтеем*. Из всего этого следует, что первоначально генеалогия афинских царей выглядела так: Эрехтей (супруг Пракситеи) – Пандион – Эгей – Тесей, и в эту цепочку был добавлен Эрихтоний.

ключительно трудами современных ученых³. Р. Паркер высказывается более сдержанно: истинное положение дел не сводится просто к двум альтернативным формам одного и того же имени и к разделению единого персонажа на две фигуры. Эрихтоний, отмечает Паркер, не имеет своей собственной мифологической сущности, а заимствует и узурпирует ее из мифа об Эрехте⁴. Наше дальнейшее исследование проливает некоторый свет на механизмы этого «заимствования» и «узурпации».

Мифологическая биография Эрехтея несколько (хотя и не намного) богаче истории Эрихтония, но она, во всяком случае, засвидетельствована в наиболее ранних доступных нам источниках, а именно, в обеих гомеровских поэмах. Так, в «Илиаде» (II. 546–553) Эрехтей упоминается фактически как эпоним афинян – и в связи с жертвоприношениями конца годового цикла:

Но мужей, населяющих град велеlepный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, –
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.

(Пер. Н.И. Гнедича)

В «Одиссее» (VII. 80–81) Афина вступает в «дом Эрехтея» – типичный царский дворец эпохи бронзы, одновременно исполняющий функции святилища⁵. В более поздние времена под «домом Эрехтея» понимали Эрехтейон – храм Афины, Посейдона и Эрехтея, и отсюда возникло смешение Эрехтея с Посейдоном, поскольку именно Эрехтейон считался тем местом, где Посейдон, споря с Афиной за Аттику, выбил из скалы соленый источник. Можно, однако, показать, что первоначально Эрехтей несколько не сливался с Посейдоном и даже отчасти противостоял ему: основное мифологическое деяние Эрехтея – участие в войне афинян с элевсинцами, предводительствуемыми Эвмолпом, сыном Посейдона (Apollod. III. 15. 4).

Перед битвой Эрехтей, желая обеспечить победу афинян и повинувшись оракулу, принес в жертву своих дочерей (Eur. Ion. 277–280) или одну дочь, а другие покончили с собой в силу данного обета. Эрехтей убивает Эвмолпа, но сам погибает, убитый разгневанным Посейдоном (Apollod. III. 15. 4–5). Мифология Эрехтея укоренена в реальной афинской культовой практике: братом Эрехтея был Бут, которого считал своим родоначальником влиятельнейший род Этеобутодов, традиционно дававший городу жриц Афины Полиады и жрецов Эрехтея-Посейдона⁶. Алтарь Бута, согласно Павсанию (I. 26. 6), находился в Эрехтейоне рядом с алтарем Посейдона.

Мифология Эрихтония также вырастает из афинских культовых реалий, и центральный элемент здесь – известный еще Геродоту (VIII. 41) священный змей Афины, обитавший на Акрополе: понятно, что этот архаичнейший тип по-

³ Robertson N. The Origin of the Panathenaea // Rheinisches Museum. 1985. S. 231–295. Специально об Эрихтонии и Эрехтее – с. 233–237, 254–258. См. также приводимую там обширную библиографию по этой проблеме.

⁴ Parker. Op. cit. P. 201.

⁵ См. комментарий Керка в кн.: The Iliad. A Commentary / General Editor G.S. Kirk. V. I. Books 1–4. Cambridge Univ. Press, 1993. P. 205.

⁶ Burkert W. Greek Religion. Cambr. (Mass.), 1985. P. 90.

читания *genius loci* существовал на Акрополе задолго до Геродота. Там же находилась и священная олива Афины (Herod. VIII. 5; Paus. I. 27. 2), т.е. мы видим здесь рефлекс мифологии мирового дерева – с непререваемым змеем, обитающим в корнях. Если вспомнить о совершаемом раз в году жертвоприношении козы. «врага оливы», шкура которой вешалась на оливу⁷, то налицо комплекс «шкура-дерево-змея», т.е. ритуал древнейшего «жертвоприношения у дерева» при возобновлении годового цикла (не о таком ли жертвоприношении говорится в указанном выше месте «Илиады»?). Олива Афины росла на священном участке Пандросы (Apollod. III. 14. 1), «всеблажной», древнего аттического божества плодородия, а на склоне Акрополя находился храм ее сестры Аглавры – «полевой», также весьма почитаемого местного божества, имеющего явные функции *kourotrofos* (IG II / III. 5152), недаром в ее храме давали присягу афинские эфебы (Plut. Alcib. 15. 22). Поэтому в мифе сестры Кекропиды оказываются няньками змеевидного младенца – и Афина, также в функции *kourotrofos*, «вскармливает» его в своем храме. Этот элемент – «чудесное дитя, вскармливается богинями», изначальный в мифе об Эрихтонии (чье имя, «истинно-земной», «очень земной», лишней раз указывает на его змеиную природу), – с того момента, как Эрихтоний перестает быть просто культовым змеем и обретает минимальные нарративные черты. Позднейшие перетолкования имени – «шерсть» + «земля» или «раздор» + «земля» – породили мотивы ссоры Афины с Гефестом, пролитого семени и брошенной на землю шерсти. Отметим, что совершенной параллелью к последнему является миф о чудесном рождении Ориона – из бычьей шкуры, орошенной мочой богов (Strabo. IX. 404; Ovid. Fast. V. 495 sqq.; Nonn Dion. XIII. 97 sqq.), а миф о рождении Эрихтония из пролитого семени Гефеста моделируется по образцу мифа о рождении Гигантов Землей из крови, пролитой Ураном в момент оскопления его Кроном (Hes. Theog. 180–186). Эрихтоний и выглядит как гигант – наполовину человек, наполовину змей. Упомянутая мифографами могила Эрихтония на Акрополе – рефлекс все того же священного змея; становясь «героем», Эрихтоний обретал непререваемый атрибут героического культа – могилу, которая, естественно, помещалась там же, где обитал Эрихтоний-змея.

Другой инновацией мифа становится эпизод с самоубийством Кекропид. Мы уже упоминали многочисленные факты реального почитания Аглавры и Пандросы⁸, противоречащие мифу о том, что они ослушались Афины и были ею наказаны. Павсаний (I. 27. 3) и Аполлодор (III. 14. 6) пытаются объяснить почитание Пандросы тем, что она единственная соблюдала запрет (но тогда за что же она погибла вместе с сестрами?), но ни Еврипид (наш самый ранний источник), ни позднее Гигин не делают никаких исключений для Пандросы, и никто не объясняет существования святилища ослушницы Аглавры. Наконец, многочисленные мифы о браках и потомстве Кекропид (Apollod. III. 14. 2–3; Paus. I. 38. 3; Ovid. Met. II. 725–835) также противоречат сообщению об их гибели на службе у Афины, где они должны были бы оставаться девственницами.

Итак, рассказ о самоубийстве Кекропид – позднейшее наслоение в мифе об Эрихтонии. Откуда же оно взялось? Миф о Кекропидах давно поставлен в связь с загадочным афинским ритуалом Аррефорий, описанным Павсанием (I. 27. 4)⁹.

⁷ Ibid. P. 229.

⁸ См. также эпиграфические данные: Parker R. // Athenian Religion. A History. Oxf., 1996. P. 311.

⁹ Burkert W. Kekropidensage und Arrephoria // Hermes. 1966. № 94. S. 1–25; Robertson N. The Riddle of the Arrephoria at Athens // Harvard Studies in Classical Philology. 1983. № 87. P. 241–288.

Согласно общепринятой ныне точке зрения, миф о Кекропидах есть аition Аррефорий. Чертами, объединяющими миф и ритуал, считаются несение корзины с некоторым сакральным содержимым и запрет открывать ее; кроме того, гибель Кекропид в финале мифа, вероятно, отражает некогда совершавшееся в ходе ритуала человеческое жертвоприношение. Однако миф об Эрихтонии упорно говорит о «ларце» – и на многочисленных краснофигурных сосудах V в. до н.э. изображается именно ларец, напоминающий, может быть, о ларце Кипсела (еще одно «дитя в ларце»!)¹⁰, но никак не о корзине и не о сосуде. Далее, в мифе Кекропиды бросаются со скалы Акрополя, – подобно Эгею или дочери Эрехтея Орифии, «унесенной Бореем», – тогда как Аррефоры в ритуале *спускаются под землю*. Наконец, ритуал Аррефорий очень древний, восходящий, вероятно, к XI в. до н.э., тогда как все сведения об Эрихтонии – и литературные, и иконографические источники – не старше VI в. до н.э. В чем же здесь дело?

В. Буркерт обратил внимание на специфически «царский» контекст Аррефорий: девушки для службы Аррефор отбирает архонт-басилевс, и они живут на Акрополе в «царском доме», т.е. в «доме Эрехтея». Отметим, в свою очередь, что загадочную корзину им дает жрица Афины Полиады, происходившая, как мы помним, из связанного с Эрехтеем рода Бутадов. Вероятно, и финальное жертвоприношение когда-то имело место, только в мифе оно первоначально отражалось не в самоубийстве Кекропид, а в жертвоприношении *дочерей Эрехтея*. Укажем на многозначительную оговорку Гигина (Astr. II. 13. 1), сообщающего, что Афина (Минерва) отдала Эрихтония *дочерям Эрехтея*. Заметим также, что в афинском культовом календаре ритуал Аррефорий тесно связан с другим загадочным и мрачным обрядом – праздником Скирофорий, центральные персонажи которого – жрица Афины Полиады и жрец Посейдона-Эрехтея, которые покидали город, уходя по элевсинской дороге, т.е. за пределы полисной территории. Этот обряд имеет ярко выраженный характер маркирования конца годового цикла (богиня-покровительница города и “царь Эрехтей” покидают сакральную территорию города), отраженного в мифе о гибели царя Эрехтея в войне с элевсинцами. Ритуал Аррефорий, таким образом, связан с жертвоприношением “царских дочерей” – дочерей Эрехтея, а миф о самоубийстве Кекропид смоделирован по этому образцу и внедрен в первоначальный миф о рождении Эрихтония.

Зачем же понадобилось конструировать мифологию Эрихтония из сакральной топографии Афин и из фрагментов других мифов? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, лежит в основном мифическом «деянии» Эрихтония – в учреждении Панафиной. Реальное учреждение Панафиной в 566/5 г. до н.э. связывается с именем Писистрата. Этот общеполисный праздник символизировал начало нового годового цикла после отмеченного Скирофориями конца старого и отчасти дублировал в этой функции торжества в честь Зевса Градодержца, символизировавшие восстановление мирового – и полисного – порядка. Центральный элемент Панафиной – торжественная процессия с поднесением нового пеплоса Афине. И здесь обнаруживается преемственная связь между ритуалами Аррефорий и Панафиной: служба Аррефор, в числе прочего, заключалась в том, что они *начинали ткать* панафинойский пеплос, изготовление которого длится целый год, т.е. имеет явно космогонический характер. На пеплосе изображался космогонический сюжет гигантомахии, и в структуре ритуала он замещает ко-

¹⁰ См. также комментарии Д. Торшилова в кн.: Гигин. Мифы. СПб., 1997. С. 217.

зью шкуру (а «козье» жертвоприношение В. Буркерт связывает именно с Аррефориями¹¹), как Афина Полиада замещает Афину-оливу (которая является символом мирового древа, т.е. более космическим, чем вегетативным божеством). Суть Писистратовой реформы Панафинеи была в перенесении смыслового центра на *полисный* аспект праздника: Панафинеи процессия почитает Афину как покровительницу полиса. Но древние земледельческо-космогонические корни этого ритуала еще различимы. Так, на фризе Парфенона именно жрец Эрехтея держит подносимый Афине пеплос¹². В новой, «цивилизованной» редакции ритуала и в мифе обитающий в корнях мирового древа змей оказывается Эрехтием-учредителем Панафинеи и изобретателем колесницы (конные состязания – второй важнейший элемент праздника). Интересно, что Гигин в «Астрономии» соединяет обе редакции, прямо именуя Эрехтия «змеем», укрывшимся у щита Афины, и называя его же учредителем Панафинеи и изобретателем запряжки четверкой, помещенным за это на небо в качестве созвездия Возничего (Hug. Asrt. II. 13. 1–2). Панафинеи должны были конкурировать прежде всего с Олимпийскими играми, и вот Эрехтий становится изобретателем колесничного бега «в пику» Пелопсу и Эномаю с их состязанием колесниц – культовому мифу Олимпийских игр. Более того, комплекс «чудесное дитя» – «змеи» – «учреждение игр» находит соответствие не только, как справедливо указывает Н. Робертсон, в мифе об Археморе-Офидеоне, в честь которого были некогда учреждены Немейские игры¹³ (в реальности учрежденные незадолго до Панафинеи), но и еще более точно – в мифе о младенце Геракле, удушившем посланных Герой змей: выросши, Геракл стал учредителем Олимпийских игр, как Эрехтий, выросши, учредил Панафинеи. Однако в старой афинской мифологии у Панафинеи уже был учредитель – Тесея (об этом сообщает, например, Плутарх – Thes. 24). Однако в мифологии Тесея учреждение Панафинеи – всего лишь одно из деяний, далеко не самое важное, для Эрехтия же учреждение Панафинеи с колесничным бегом становится его *единственным* деянием, кроме рождения и смерти, т.е. Эрехтий моделируется как учредитель игр *par excellence*. И здесь следует вспомнить о том, что миф об Эрехтии включается как важнейший элемент в религиозно-идеологическую политику Писистрата. Знаменитое возвращение Писистрата в Афины *на колеснице* в сопровождении Фии, изображавшей богиню Афину (Herod. I. 60), проследуется на миф об Афине и Эрехтии¹⁴ (Эрехтий и Афина на колеснице – популярный сюжет Панафинеи амфор). Писистрат – учредитель Панафинеи приравнивается к Эрехтию – мифическому учредителю Панафинеи. Писистрат был победителем Олимпийских игр именно в конных состязаниях (528 г. до н.э.). Вспомним, как веком раньше именно победа на Олимпийских играх вдохновила другого афинского аристократа, Килона, на попытку установления тирании в Афинах. Не исключено, что появление мифа об Эрехтии – «автохтоне», любимце Афины, изобретателе колесницы и учреди-

¹¹ Burkert. Greek Religion. P. 229.

¹² Ibid. P. 100.

¹³ Robertson. The Origin of the Panathenaea. S. 233.

¹⁴ Хорошо известна точка зрения Дж. Бордмена, полагавшего, что речь идет здесь о подражании Гераклу (Boardman J. Material Culture // Cambridge Ancient History. V. 4. 1988. P. 421). Мы считаем, напротив, что миф об Эрехтии-на-колеснице конструировался именно как конкурирующий с мифом о Геракле – основателе Олимпийских игр. Писистрату в качестве мифологического образца нужен был местный, афинский, «автохтонный» герой. См. также Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднearchаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 153.

теле Панафиной прямо связано со стремлением Писистрата к идеологической легитимизации своей власти, что в VI в. до н.э. неизбежно принимало форму мифа¹⁵. Из чего и как складывался такой миф, мы и старались показать.

ERICHTHONIUS: A MYTH IN THE STRUCTURE OF THE PANATHENAEA

I. I. Kovaleva

The institution of the Great Panathenaea was one of the central events in the religious life of Athens in the 6th c. BC. However, the cult myth, the aition of this principal polis festival is only vaguely outlined in the figure of Erichthonius, the mythical founder of the Panathenaea. This figure was an innovation of the Attic mythology. The earliest layer of mythology is reticent about Erichthonius, knowing only Erechtheus, king and forefather of the Athenians (Il. 2, 546–553; Od. 7, 80–81). Erechtheus' mythology was rooted in the real Athenian cult practice. That of Erichthonius is also connected with the Athenian cult realities (Athena's serpent abiding on the Acropolis and the sacred olive growing there – a reflex of the 'world tree' mythology with the obligatory serpent living in its roots). Athena's sacred olive grew on the sacred plot of Pandrosos, ancient Attic goddess of fertility, and the temple of her sister Aglauros stood on the slope of the Acropolis. For this reason in the myth the Cecropidae sisters turn to be nurses of the serpent-shaped child, and Athena nurses him in her temple as a *kourotrophos* as well. This element («a miraculous child nursed by goddesses») was initial in the myth of Erichthonius, from the moment when he ceased to be just a serpent and acquired a minimum of narrative characteristics. Another innovation of the myth is the episode of the suicide of Cecropidae, modelled after the pattern of «sacrifice of the king's daughters», reflected in the rite of Arrhephoria and incorporated into the initial myth of Erichthonius' birth.

Why was it then necessary to construct the mythology of Erichthonius on the basis of Athens' sacred topography and fragments of other myths? In the author's opinion, the answer lies in the main mythical «act» of Erichthonius, i.e. the institution of the Panathenaea. Their real institution in 566/565 BC is connected with the name of Peisistratos. The essence of his reforms of the Panathenaea consisted in transferring the ideological centre of the festival to its *polis* aspect, and the old agricultural and cosmogonic roots of the rite are still to be seen. Thus, it is Erechtheus' priest who holds the peplos offered to Athena on the frieze of the Parthenon. In the new «civilized» version of the ritual (as well as in the myth) the serpent living in the roots of the world tree is none other than Erichthonius, the founder of the Panathenaea and the inventor of the chariot (horse race was another important element of the festival). The Panathenaea were to compete with the Olympic Games, so Erichthonius became the founder of the chariot race to spite Pelops and Oenomaus with their chariot races, which made the cult myth of the Olympic Games. But according to the older Athenian mythology, the Panathenaea were founded by Theseus (Plut. Thes. 24). However, in Theseus' mythology the institution of the Panathenaea was just one of his acts, and not the most important one, while for Erichthonius the founding of the Panathenaea with chariot races became his only act apart from his birth and death, i.e. Erichthonius was modelled as the founder of the games par excellence. Obviously, the development of the myth of Erichthonius, an 'autochthon' and Athena's favorite, the inventor of the chariot and founder of the Panathenaea, was directly connected with Peisistratos' wish to legitimize his power. In the 6th century BC such legitimization was only possible in the form of a myth.

¹⁵ Ср. Макаров И.А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–42.